

Город, который построил Мельгунов

Заслуги преобразователя Ярославля общепризнанны, но память его никак не увековечена

20 февраля исполняется 290 лет со дня рождения первого ярославского наместника Алексея Петровича Мельгунова (1722 – 1788), чьей заслугой некогда увядавшая «столица Поволжья» в одночасье приобрела вид «европейского города».

Часто ли вы задумываетесь над таким парадоксальным фактом: нашему 1000-летнему Ярославлю, великолепным ансамблем улиц и площадей которого мы так гордимся, в сущности, немногим более двух веков?

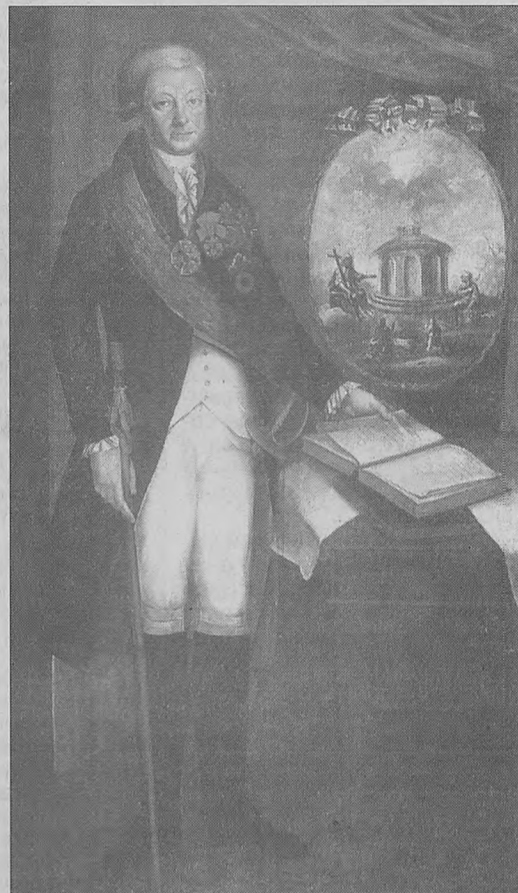
А как же, возразят преисполненные гордости за свою малую родину ярославцы, наши прекрасные храмы XVI – XVII веков? В том-то и дело: эти всемирно известные памятники достойную градостроительную опору получили только в конце XVIII столетия. До того вся их жизнеутверждающая красота была хаотично разбросана в городском пространстве и ютилась в плену посадских избёнок, редких каменных строений и сплошного деревянного частоккола. Время от времени пожары вылизывали подобные городские лабиринты, но вскоре на их месте возникали новые, ещё более затейливые и не менее опасные для жизни человека.

К моменту появления в Ярославле генерал-губернатора Алексея Мельгунова здесь едва ли насчитывалось и полсотни каменных домов. Они так же, как и посадские избы на курьих ножках, хороводили от Рубленого города к Земляному – как Бог на душу положил. Спустя двадцатилетие, в начале XIX века, казённых и партикулярных каменных строений, поставленных по мельгуновскому плану, насчитывалось уже более 300. И дело даже не в том, что губернский город наконец-то оделся в камень, – ведь не век же ему ещё было куковать деревяшкой со столичной судьбой, – а в том, что на его историческом пространстве был осуществлён поистине грандиозный художественный замысел. И энергия по «пересозданию Ярославля», как довольно точно однажды выразился Л. Н. Трефолев, всецело исходила от просвещённого екатерининского вельможи Алексея Петровича Мельгунова.

Екатерине II дважды, в 1763 и 1767 годах, довелось ступить на высокий ярославский косогор и остаться весьма впечатлённой местными природными и рукотворными красотами, и более всего сказочным узорочьем дивных храмов, как бы парящих над бескрайними волжскими просторами. Многим тогда остались памятны её слова: «Город Ярославль всем весьма нравится, и я почитаю его третьим городом из тех, которые я видела в России». Разглядела-таки царица-матушка в здешней грязи подлинных шедевры духа. Вот и выходит, повелевая в 1777 году А. П. Мельгунову быть первым ярославским наместником, императрица вручала ему то, что сама немало ценила.

Надежды государыни, которые при открытии Ярославского наместничества она возлагала на своего придворного сановника, полностью оправдались: став властелином огромного Северного края (помимо Ярославской губернии ему в разное время были подчинены территории Вологодского, Костромского, Архангельского наместничеств), Мельгунов энергично и талантливо «с нуля» создавал новые города и целые губернии, управлял обширными землями и по-новому организовывал жизнь полуторамиллионного населения «здешней страны» (по совокупной площади вполне сопоставимой, к примеру, с территорией Франции).

В Ярославле открывались учебные заведения для дворянских детей и детей других сословий, велись серьёзные разыскания по истории края, проводились географические исследования, была основана первая вне столиц частная типография, выходил первый русский провинциальный журнал «Уединённый пошехонец», в доме наместника кипела театральная жизнь. Триумфом мельгуновской культурной политики явилось сооружение в 1786 году на частные пожертвования ярославских граждан Дома призрения ближнего – по тем временам подлинного дворца, принявшего под свой кров многочисленных детей-сирот и бесприютных стариков. В провинциальной России той поры это был едва ли не уникальный благотворительный проект, активно поддержанный различными сословиями города.

Однако наиболее зримые результаты этой политики воплотились в новом культурном ландшафте старинного города на Волге, в строгой и праздничной планировке его улиц и площадей, рождённой смелым замыслом А. П. Мельгунова и его помощников. Всего год понадобился наместнику, чтобы предьявить план кардинальной перелицовки губернского города, высочайше «конфирмованный» императрицей 19 марта 1778 года.

Малоизвестен такой любопытный факт: к началу ярославской «эпохи Мельгунова» здесь уже был план большой перестройки города, начертанный после опустошительного пожара 1768 года и получивший в следующем году «конфирмацию» Екатерины II. Однако ярославцы, вопреки рескрипту венценосной матушки, как-то вяло реагировали на этот государственный проект. Их вкусом, очевидно, претитла огромная прямоугольная, видом будто сениная, площадь в самом центре города. От Ильинской церкви, приулицейшей тут словно бы сиротливо, как-то сбоку, площадь простиралась на запад и завершалась на другом её конце небольшим каре проектируемого гостиного двора. Во всём тогдашнем городе, похоже, только здесь предусматривался простор и воздух, и то, пожалуй, исключая ядрёные дни ярмарочных торжищ. Всё же прочее городское пространство должно было застраиваться плотной «классической» сеткой кварталов, – да-да, включая и неприкосновенный ярославский сакрум – кремль – Стрелку! Местные купцы ныли, дескать, разоримся вконец, так неблизко нам будет с причалов добираться до своих лавок гостинодворских... Будь Мельгунов некультурным человеком и держимордой, плюнул бы на писк комариный и привёл бы в исполнение своим административным ресурсом залежавшийся матушкин указ. Ну, и в каком городе мы бы сейчас жили!

Задумал Алексей Петрович новый план Ярославля – и дружная работа закипела. Ожило всё общество – разом поверили и поддержали государева наместника. Ну и что, что с насыженных веками мест пришлось сниматься, распрощаться кому с богатой усадьбой, кому с дряхлой избушкой, а кому и с выжженным пустырьём – не в Сибирь же переезжаем, а на другую улицу, да к тому же за казённый кошт на обустройство. Умел Мельгунов с народом говорить и щедро, как свидетельствуют источники, платил переселенцам. Да предписывал, где и какой магистраль быть, куда поставить очередной дворец...

Всех улиц в городе наметили 86, а сами

кварталы расположили меж трёх основных «прорубленных» линий. Волны кольцевых магистралей разбегались от центра по радиусам этих спрямлённых старинных дорог, почти повторяя очертания первой дугообразной волны – бывшего городского вала. Давно обветшалые стены и башни Земляного города тоже разобрали, и по линии древних валов и рвов уже наметились будущие широкие бульвары. Прогуляйтесь как-нибудь в хорошую погоду не спеша по Первомайскому бульвару от Волги до площади Волкова и мысленно далее – до Угличской башни Спасского монастыря и меланхолично представьте себе эту грандиозную «стройку социализма» галантных мельгуновских времён...

А что же наш всемирно узнаваемый и чтимый исторический элизиум – с его уникальными памятниками предшествующего «золотого» столетия? Здесь-то как раз и оказался тогда эпицентр мощных градостроительных тектонических сдвигов. Замыслом творцов нового Ярославля двигало гениальное прозрение – органично соединить старину и новизну. Казалось бы, простое решение, но в том-то и дело – как так соединить, чтоб это хрупкое достояние прошлого не заглохло, не задохнулось в крепких объятиях передового? И удачный ребрендинговый ход был найден. Куда бы ни направил путник свои стопы, шествуя вдоль фасадов вновь рождённых улиц, – везде его встречал старинный храм или древняя башня. Слово каждый экспонат города-древлехранилица получил свою роскошную витрину. Оттого и возникло ощущение пространственной законченности, обволакивающей гармонии уютного городского пейзажа, а само движение по такой улице наполнялось «новым» духовным смыслом – дороги к храму, истине и Богу.

Свершилось так, что главная ярославская жемчужина – церковь Ильи Пророка, местоположение которой в Земляном городе почти совпадало с его геометрическим центром, явилась и отправной точкой всей градостроительной композиции. Как тут нам не благодарить Мельгунова за хороший вкус? Образовавшаяся на одной оси с храмом, параллельно с Волгой, анфилада трёх площадей – Ильинской, Плац-парадной и Соборной – торжественно раскрывала центр

Понадобилось менее десятка лет, и вся центральная часть Ярославля была заново выстроена. По намеченным мельгуновским планом красным линиям вытягивались улицы, образовывались площади, на них поднимались дотолы не виданные дворцы.

Ярославля. Исходившие из точки с храмом лучи двух улиц вели к средневековым башням – Угличской и Власьевской. На линиях этих наклонных осей расположились верхние углы явившейся из небытия трапециевидной площади, над которой величественной доминантой вознёсся и воссиял Ильинский храм.

Рождённую красивейшую площадь, по воле Алексея Петровича сделавшуюся административным центром города, обрамили ансамблем зданий Присутственных мест и дворца наместника (изумительной красоты, он простоял только десятилетие, и солдафонским указом Павла I был разобран на казарменный кирпич). Поразительная визуальная соразмерность пространства и высот площади – а ведь стоящие тут здания в два с половиной раза ниже самого храма! – забываемо впечатляет каждого, кто хоть раз здесь побывал. Однако творцами ярославского плана, как проекта идейно осмысленного, преследовалась цель гармонии не только эстетической, но духовно-нравственной. Культурологу Евгению Ермолину принадлежит мысль о том, что в зримом образе Ильинской площади нашла воплощение главная идея манифестации наместника – здесь соединились Вера и Закон. Храм как источник божественной благодати соседствует с Присутственными местами, корпуса которых «могут быть поняты как листы раскрытой книги Закона». Непосредственная близость к площади Дома призрения ближнего указывала и на воплощённое Милосердие – ещё одно мощное основание культурной политики Алексея Мельгунова.

Понадобилось лишь менее десятка лет, и вся центральная часть Ярославля была заново выстроена. По намеченным мельгуновским планом красным линиям вытягивались улицы, образовывались площади, на них поднимались дотолы не виданные дворцы, вырисовывались бесконечные вереницы гостинодворских аркад... Придачу к вышеперечисленным памятникам припомните хотя бы ныне существующие здания – духовной семинарии (данный палатцо, весьма близкий по архитектуре к творениям великого Растрелли, более известен как дом городского головы И. А. Вахромеева), медицинской академии (здесь изначально помещалась городская дума), мэрии (дом вице-губернатора)... Восхищение современников от нахлынувшей в их старинный город новой впечатляющей красоты не было предела. Один из таких восторженных апологетов вознёс в торжественных стихах панегирик плану Мельгунова, «которой в новой ви, наш град преображает, и славу тем его повсюду расширяет»...

Ещё в середине XIX века, на страницах первого ярославского путеводителя, было отмечено: «Огромная Ильинская площадь её великолепною обстановкою, одна из красивейших в России – величественный памятник генерал-губернатору Алексею Петровичу Мельгунову». Ярославль и теперь, несмотря на череду трагических утрат своих памятников в XX веке радуется своим строгим, лаконичным и одновременно нарядным обликом, являющим миру один из лучших градостроительных образцов в русской провинции эпохи классицизма. Здесь диевая старина в эпоху наместника Мельгунова была почтительно обрамлена в восхитительную классическую раму. Не случайно именно это обстоятельство – уникальность городской застройки XVII – XVIII столетий – уже в наше время послужило поводом для внесения Ярославля в Список объектов всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Заслуга первого ярославского наместника генерал-губернатора Мельгунова в создании того поистине уникального города, которым не одно столетие восхищаются и сами ярославцы, многочисленные его гости, оказалась беспрещедной. Это понимали как современники «тите на ярославского возрождения», так и его ближайшие потомки. Краевед И. Д. Троицкий, автор самой ранней опубликованной истории Ярославля, в 1853 году писал: «Можно вообразить каких трудов и усилий стоило деятельному Мельгунову привести в исполнение новый план, так сказать, построить почти новый город!». Доме призрения ближнего, который тот же историк называл «лучшим из памятников доброго просвещённого Мельгунова в Ярославле», почти полтора столетия трепетно почитали память его первого благодетеля. Здесь же в портретной галерее благотворителей дома всё это время находился и знаменитый портрет наместника «рост». Когда в 1888 году в Ярославле отмечалось столетие со дня кончины А. П. Мельгунова к его могиле в Толгском монастыре собрались не только воспитанники основанного им «сиротского дома», но и многочисленные ярославцы, включая первых лиц города – губернатора, городского голову. После панихиды, которую служил архиепископ Ярославский и Ростовский Ионафан, всем присутствовавшим была роздана брошюра Л. Н. Трефолева с биографическим очерком А. П. Мельгунова и вклеенным в него снимком с его портрета из галереи Дома призрения ближнего.

Память о первом ярославском наместнике генерал-губернаторе А. П. Мельгунове и поныне жива. Но задумаемся: всё ли мы сделали и делаем для того, чтобы в полной мере воздать должное заслугам и памяти выдающегося исторического деятеля? В красивейшем городе на Волге, некогда преображённом умом, талантом и волей Алексея Петровича, сегодня почти ни что не расскажет о нём. По-прежнему здесь не ни улицы его имени, ни памятника, ему посвящённого, ни даже мемориальной доски. И про этот вопрос ярославцу – так кто же такой Мельгунов? – увы, окажется всем нам неутешительным ответом.

Ярослав СМИРНОЕ
историк, член Археографической комиссии Российской академии наук

НОВОСТИ СПОРТА

Победа далась непросто

Ярославский «Локо» одержал третью подряд победу в чемпионате молодёжной хоккейной лиги. 16 февраля молодые «железнодорожники» со счётом 2:0 выиграла у «Динамо-Шинника» из Бобруйска.

В этом матче наставник ярославских хоккеистов Игорь Горбенко сделал ряд перестав

на 31-й минуте капитан ярославцев Николай Красотин открыл счёт. Следующей шайбы

ПО СТРАНИЦАМ СТАРЫХ ГАЗЕТ

О чём «Северный край» писал 110 лет назад

ПОШЕХОНЬЕ. Что город – то норов, что село – то обычай. В силу 25-й статьи «Временных правил о волостном суде», волостной суд решает дела по совести на основании имеющихся в деле доказательств.

При разрешении же тяжб между крестьянами суд руководствуется местными обы-

Третий волостной суд отдал всё имение жене умершего наследодателя в пожизненное владение с тем, чтобы после смерти её оно поступило к братьям и сёстрам умершего.

Четвёртый суд, положив в основу своего решения тот принцип, что наследует тот, кто помогал наживать имение, присудил

Заметим, что по делам о наследстве крестьяне зачастую обращаются и в окружные суды, когда, например, остаётся собственная ненадельная земля.

Последние производят раздел на основе X тома Свода законов гражданских, решения бывают часто диаметрально противоположны решениям волостных судов